

Но и для продолжения следствия требовалось выйти за стены монастыря и провести тщательную проверку соляного комиссарства, чьи служители осуществляли реализацию неучтенной соли, Иркутской провинциальной канцелярии в кабинетах которой пропало несколько тысяч рублей и иркутских вице-губернаторов. Дело могло закончиться скандалом. Над иркутскими властями замаячила тень вице-губернатора Алексея Жолобова. Новый разоблачительный процесс был никому не нужен.

Нашлось иное решение. Иркутской провинциальной канцелярии поручили произвести расчет с Вознесенским монастырем и погасить недоимки. Были заменены усольские ларечные и целовальники. Ужесточили контроль за вываркой соли, а виновных монахов наказали церковным покаянием. Иркутский Вознесенский монастырь обязали возместить все убытки, причиненные государевой казне. Таким образом, начавшись в 1755 г. громкое «соляное дело» уже к 1758 г. практически прекратилось, а проведенная через несколько лет секуляризация оставила его незавершенным.

Список использованной литературы и источников

1. Дулов А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX вв. / А. В. Дулов, А. П. Санников. — Т. 1. — Иркутск : СибПолигафСервис, 2006. — 294 с.
2. Душкин Ю. С. Соль земли / Ю. С. Душкин // Земля Иркутская. — 2000. — № 13. — С. 10–13.
3. Российский государственный архив Древних актов. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 183 (часть 2).

Информация об авторе

Санников Александр Павлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: aps.72@mail.ru.

Author

Sannikov Aleksandr Pavlovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History of Russia, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., Irkutsk, 664003, e-mail: aps.72@mail.ru.

УДК 947
ББК 63.3

В.В. СИННИЧЕНКО

ПРОБЛЕМА ОСТРОВА САХАЛИН В РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1855–1875 гг.

В статье изучается опыт совместного управления Россией и Японией островом Сахалин в период с 1855 по 1875 гг. Выясняются причины, заставившие российские и японские власти пойти на отказ от принципа совместного управления и подтолкнувшие их к территори-

альному размежеванию. В работе освещаются вопросы создания каторги на острове Сахалин.

Ключевые слова: Сахалин, каменный уголь, разграничение, рыбная ловля, японцы, российское правительство, переселенцы, штрафная колонизация, каторга, Восточная Сибирь.

V. V. SINICHENKO

PROBLEM OF THE ISLAND OF SAKHALIN IN THE RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS OF 1855–1875

In article experience of a joint management by Russia and Japan by the island of Sakhalin during the period from 1855 to 1875 is studied. The reasons which forced the Russian and Japanese authorities to go to refusal of the principle of a joint management and have pushed them to territorial delimitation become clear. In work questions of creation of penal servitude on the island of Sakhalin are taken up.

Keywords: Sakhalin, coal, differentiation, fishing, Japanese, Russian government, immigrants, penal colonization, penal servitude, Eastern Siberia.

Проблема эксплуатации острова Сахалин впервые была поставлена русскими властями после заключения первого русско-японского Симодского договора 1855 г. До этого в этом отношении, российское правительство не могло выработать единой позиции.

Так, если Восточно-Сибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский считал остров Сахалин стратегически важной местностью, прикрывавшей устье Амура, то дипломат — адмирал Путятин, держался другого мнения. В 1854 г. последний даже приказал ликвидировать поставленный здесь Н.Н. Муравьевым пост в селе Анива, а в 1855 г., как отмечалось, заключил первый договор с Японией, по которому Сахалин остался не разграниченной территорией. Японцы и русские соседствовали на острове до 1867 г. Временная граница пролегла по реке Кусунай, и взаимоотношения на первом этапе были вполне доброжелательными. Японские рыбаки даже кормили русских солдат. 75 % территории острова занимали русские переселенцы, это были рабочие, добывавшие каменный уголь и солдаты. Японцы занимали 25 % общей территории острова — на юге, где и промышляли рыбодобычей [1, л. 37–40].

Однако в 1865 г. новый генерал-губернатор Восточной Сибири — М.С. Карсаков представил императору записку «Обзор действий и настоящего положения дел относительно владения островом Сахалин». В ней отмечалось политическое и экономическое значение острова и возможность его попадания в сферу влияния вероятных противников России того времени: Англии и Франции.

Результатом обсуждения в Санкт-Петербурге сахалинской темы стало вручение главе края инструкций учитывающих его предложения по усилению военных постов на острове. В августе 1865 г. на Сахалин с континента началось передислоцирование солдат 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона.

В 1867 г. под давлением российской стороны было достигнуто в Санкт-Петербурге новое русско-японское соглашение. Граница по реке Кусунай ликвидировалась, подданные обеих стран могли свободно перемещаться по острову. Однако это решение не привело к мирной колонизации русским населением всего острова.

Уничтожение временной государственной границы привело к захватыванию земель подданными обеих стран, чересполосице и следующим из этого спорам по поводу обработке земли и пользованию угодьями. Это давало повод сибирским властям к усилению мер военной колонизации острова.

В апреле 1867 г. М.С. Карсаков предписал своему доверенному лицу Фуругельму довести численность Сахалинского отряда с 150 до 300 человек, снабдить их двухгодовым запасом продовольствия. Восстанавливался пост в Аниве и предоставлялось судно Сахалинскому отряду для перевозки солдат и продовольствия. 14 июля в бухту Буссе, на острове, было отправлено 130 солдат с 2 орудиями. 16 декабря 1867 г. М.С. Карсаков представил морскому министру и председателю Амурского комитета — великому князю Константину Николаевичу записку о необходимости ассигнования 90 тыс. р. на заселение Сахалина. Особое совещание по Амурским делам от 2 февраля 1868 г. решило выдавать на это по 30 тыс. р. ежегодно [3, л. 78–80]. 16 октября 1868 г. М.С. Карсаков вновь представил министру иностранных дел план мероприятий по укреплению русских позиций на Сахалине, а 17 декабря М.С. Карсаков предоставил уже Александру II записку «Об устройстве Амурского края». В ней отмечалось, что совместное с Японией владение Сахалином может стать в будущем предметом русско-японского конфликта. Глава края подчеркивал, что Россия вследствие слабости своих военно-морских сил на Тихом океане, не в состоянии поддержать действий своих дипломатических представителей в сопредельных странах Востока. В целях ликвидации подобного положения дел он предлагал усилить Тихоокеанский флот переправив во Владивосток одну из российских эскадр, усилить численность Сахалинского отряда, учредить на Сахалине военное управление, которое бы ведало и гражданскими делами, официально разрешить частным лицам разрабатывать угольные копи, усилить русский элемент на острове путем заселения его ссыльными каторжниками. Кроме этого в Иркутске считали необходимым реализовать комплекс дополнительных экономических и дипломатических мер: взяться за эксплуатацию рудников на острове, принять меры по фор-

сированной колонизации Сахалина и приобрести его в исключительное владение посредством покупки или обмена на старые военные суда [2, Оп. 10. Д. 61. К. 2102. Л. 11–11об.].

Таким образом, Сахалин, по мнению российских властей, был необходим России не только с военно-стратегической, но и экономической точки зрения. Еще, в начале 1868 г. российский вице-консул в Шанхае Диксуэлль представил контр-адмиралу Фуругельму и председательствующему в Совете Главного Управления Восточной Сибири записку «о сбыте нашего каменного угля на Сахалине».

В ней рекомендовалось приморскому губернатору Фуругельму воспользоваться первым удобным случаем для отправки в Шанхай нескольких образцов угля, а также сообщить г. Диксуэллю об условиях разработки угольных копей [2, оп. 11/2, д. 148, л. 131].

Контр-адмирал Фуругельм в ответ на письмо председательствующего в Совете ГУВС (7 февраля 1868 г. № 43) испрашивал разрешения генерал-губернатора допустить в видах скорейшего ознакомления торговых пунктов Китая с нашим углем, продажу нашего угля вместо 10 р. (рыночная цена) — по 6 р. за тонну (то есть по демпинговым ценам) и даже менее, если можно. На это он получил разрешение (18 марта 1868 г. № 201). Фуругельму предписывалось продавать за границу выработанный сверх годовой пропорции, потребной для Сибирской Флотилии и Николаевского порта уголь по демпинговым ценам в 6 р. Общее количество экспортируемого угля не должно было превышать квоту в одну тысячу тонн в год [2, оп. 11/2, д. 148, л. 132].

19 февраля 1868 г. последовало высочайшее повеление о выдаче 30 тыс. р. ежегодно на развитие экономики острова Сахалин и переселение в него российских поселенцев. На основании отпущенных сумм в 1869 г. 25 русских семейств из Забайкальской области и 11 семейств из центральных районов России переселились на Амур и Сахалин. Каждый взрослый член семьи получил ссуду в 100 р. (58 чел.) [2, оп. 10, д. 61, к. 2102, л. 62–67].

Но основным направлением российской миграционной политики на остров продолжала оставаться штрафная колонизация.

Побывавший в начале 70-х гг. XIX в. на острове полковник Генерального штаба В.И. Венюков так описывал состояние Сахалина: «На Сахалине проживало 13–14 тыс. чел. из коих русских — 3 тыс. Русское население Сахалина делилось на военных и каторжников. Все они нуждались в привозе хлеба, жили в неустроенных помещениях. Среди населения была большая смертность».

Как отмечает В.И. Венюков, штрафная колонизация края началась в 1869 г., когда было решено привезти на Сахалин 800 семей каторжников и довести численность вооруженных сил на острове до одного батальона. На реализацию данных мероприятий правительство выделяло

64 тыс. р. и 5 кораблей. Потом ежегодно на остров прибывала такая же партия. Каторжники работали на каменных коях [5, с. 53–55].

Японцы, в количестве 3 тыс., долгое время жаловались, что русские хотят выжить их с острова, заселяя его разбойниками. Местная военная администрация, неоднократно незаконно использовала каторжников, сдавая копии вместе с ними в частные руки. Каторжники часто вступали в конфликт с японским населением.

В результате теснимые японцы на острове занимались не эксплуатацией его внутренних природных богатств, а рыбной ловлей. Ее оборот составлял в начале 70-х гг. XIX в. сумму около 800 тыс. р. в год [5, с. 56].

Помимо японцев на острове жили китайцы. В 1868 г. японские предприниматели завезли 100 китайцев. Это вызвало возмущение российской стороны, которая постаралась не допускать китайцев на северную часть и вообще потребовала их вывоза с острова. Кроме того на острове проживало 3 тыс. звероловов и рыболовов — гиляков и более 3 тыс. айнов [5, с. 59].

В условиях русско-японского противостояния на острове необходимо было принимать политическое решение.

30 октября 1870 г. в Петербурге заседал Комитет по Приамурским делам под председательством в.к. Константина Николаевича (Амурский комитет). На нем был поднят вопрос о Сахалине. Комитет признал полезным снабдить генерал-губернатора Восточной Сибири новой инструкцией по Сахалинскому делу.

Центральными властями рекомендовалось:

Во-первых, продолжать переговоры с Японией;

Во-вторых, продолжать ставить на острове военные посты;

В-третьих, установить влияние на туземцев острова за счет развития на нем «промыслов, торговли и колонизации».

В возможных дипломатических контактах генерал-губернатора с японцами ему предлагалось проявлять в деле разграничения твердость и одновременно уступчивость в вопросе важного для японцев рыбного промысла в районе Сахалинской акватории. Если японцы согласятся с передачей своей половины острова России, то генерал-губернатор Восточной Сибири мог им пообещать от лица российского правительства остров Уруп с прилегающей к нему грядой.

По мнению комитета российская сторона могла отказаться от южной части Сахалина, только если на ее освоение потребуется много финансовых затрат и возможен дипломатический разрыв с Японией. Тогда рекомендовалось провести границу южнее залива Кусунай и выговорить право стоянки судов в южной части острова (залив Анива).

24 декабря 1870 г. эта инструкция была передана генерал-губернатором Восточной Сибири военному губернатору Приморской области и командиру портов в Восточном океане. Тот и вступил в дипломатические контакты с японскими властями.

Японская сторона в ответ приостановила в конце 1870 г. колонизацию Сахалина.

Тем временем, 22 мая 1871 г., министерство иностранных дел России отписывало А.Е. Кроуну, что необходимо как можно быстрее заручиться на Дальнем Востоке благожелательной позицией правительства Микадо и провести разграничение даже с предоставлением японской стороне территориальных уступок ряда островов Курильской гряды [6, с. 264–268].

Уже 11 июня 1872 г. чрезвычайный посланник Е.К. Бюцов вручал императору Муцухито вверительные грамоты. На переговорах японская сторона, рассчитывая на благожелательную позицию России в случае войны с Кореей, предложила купить Сахалин или отказаться от своих претензий на него в пользу России за обязательство царского правительства соблюдать нейтралитет в войне с Кореей и пропустить через российскую территорию японских солдат для вторжения на Корейский полуостров. Однако министерство иностранных дел России отклонило последнее предложение японской стороны. Оно посчитало, что это приведет к обострению международных отношений на Дальнем Востоке, к которым Россия в силу своей военной слабости в регионе не готова. Вместе с тем, в виду противоречий с Китаем, российское правительство сочло необходимым продолжить переговорный процесс и сохранить дружественные отношения с Японией. В феврале 1874 г. японский посланник Эномото прибыл в Петербург. Он и подписал с японской стороны русско-японский договор 1875 г., согласно которому Япония уступала свои права на Сахалин в обмен на Курильскую гряду. Курильские острова, за исключением Парамушира, Шуму и Алачи были переданы Японии [4, л. 2–7].

Итак, в период с 1855 по 1875 гг. остров Сахалин находился в совместном пользовании России и Японии. Однако несмотря на то, что русские и японцы занимали различные хозяйственные ниши на острове (русские осуществляли добычу угля, а японцы ловили рыбу), в силу политических обстоятельств, совместное владение территорией было признано нецелесообразным как в Петербурге, так и Токио. Япония передала в 1875 г. южный Сахалин России в обмен на часть Курильских островов.

Список использованной литературы и источников

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1066.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1315. Оп. 1. Д. 6.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 414.
5. Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М. И. Венюков. — СПб. : Изд-во «Безобразова и К», 1873. — 487 с.
6. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. / Э. Я. Файнберг. — М. : Изд-во Восточная литература, 1960. — 312 с.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, заместитель начальника кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова 110, e-mail: vova_sinichenko@bk.ru.

Author

Sinichenko Vladimir Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chief of Chair of Philosophy, Psychology and Social Science Disciplines, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov st., Irkutsk, 664071, e-mail: vova_sinichenko@bk.ru.

УДК 94(571.53)

В.В. ЧЕРНЫХ

ББК 63.3(2)

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧИТИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ (1861–1917 гг.)

В статье исследуется формирование пожарной охраны в Читинской области в досоветский период. Анализируется материальной обеспеченности, кадровый потенциал пожарной службы, проблемы деятельности.

Ключевые слова: пожарная служба, пожарная команда, тушение пожаров.

V. V. CHERNYH

FORMING AND ACTIVITY OF CHITA TOWN FIRE PROTECTION SERVICE (1861–1917)

The article shows the process of forming and activity of the Chita town fire protection service in the late XIX — early XX. The provision, human resources, professional problems of fire protection service are analyzed.

Keywords: fire protection service, firemen, fire control.

В истории Читы не было таких опустошительных пожаров, какие бывали в Москве или в Иркутске, и это несмотря на то, что традиционно она была деревянным городом. Первые каменные постройки появились здесь только в начале XX в.

К началу XIX в. в Чите было всего 26 домов, в которых жило около 300 человек. Пребывание здесь декабристов лишь ненадолго оживило жизнь маленькой деревушки. И только в 1851 г., когда Чита стала центром Забайкальской области и получила статус города, она начала расстраиваться и расти. К 1858 г. население города составило 1 432 чел. [2, д. 26, л. 3].